

Примечания

1. Кондрашин И. Филогенез (история эволюции) головного мозга человека [Электронный ресурс]. URL: <http://ikondrashin.narod.ru/rus/cons/bmen.htm>.
2. Кондрашин И. О строении мозга [Электронный ресурс]. URL: <http://ikondrashin.narod.ru/rus/cons/bmen.htm>.
3. Кондрашин И. Психика человека [Электронный ресурс]. URL: <http://ikondrashin.narod.ru/rus/cons/psich.htm>.
4. Философский энциклопедический словарь / под ред. Е. Ф. Губской. М. : Цифра, 2002. С. 263.
5. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. М. : Мысль, 2001. С. 525.

ПЛЕХАНОВА А. М.

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА К НЭПУ: ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ РСФСР)

Введению нэпа в российской деревне предшествовали, как минимум, два события, ставшие причиной обострения взаимоотношений между крестьянством и властью. Первое из этих событий – продразверстка, введенная Советской властью Декретом СНК от 11 января 1919 г., суть которой состояла в жесткой политике государства, заставлявшего крестьянство поставлять сельскохозяйственную продукцию без учета реальных возможностей деревни. Сохранение и увеличение продразверстки в 1920–1921 гг. до размеров, граничивших с истощением продовольственных ресурсов деревни, фатальным образом предопределили наступление голода. Это стало вторым событием, болезненно сказавшемся на положении крестьянства.

Хорошо известно, что крестьянские выступления в Тамбовской губернии против большевистской власти были наиболее яркими проявлениями народного негодования против аграрной политики Советской власти. Между тем волна крестьянского недовольства прокатилась по всей России, где и Бурят-Монгольская автономная область РСФСР была одним из неблагоприятных регионов для власти в этом отношении. Представляется, что анализ происходящего на национальных окраинах позволит глубже понять причины либерализации экономической политики и смысл аграрных преобразований в период нэпа.

В начале 1920-х гг. аграрный сектор Бурят-Монгольской области представлял удручающую картину. Причин упадка сель-

ского хозяйства было несколько, все они, действуя в комплексе, обостряли социальную напряженность в деревнях и улусах.

Одной из причин острого экономического кризиса были крайне сложные и запутанные земельные отношения, что было обусловлено землеустроительной политикой царского правительства в начале XX в. Законы «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев» Забайкальской области (5 июня 1900 г.) и Иркутской губернии (23 мая 1896 г.) устанавливали единую норму земельного надела и одинаковый размер платежей без учета разнообразия природных ресурсов и различий хозяйственного уклада населения. Это отражало фискальные интересы самодержавия, так как сопровождалось возведением бурят в более высокие податные оклады русского населения. В колонизационный фонд передавалась огромная часть земель без учета интересов бурятского скотоводческого хозяйства, требовавшего обширных земельных пространств. Результатом земельной реформы царского правительства стали дробность, дальнотелье, чересполосность земельных угодий русского и бурятского населения, что пагубно сказалось на экономике хозяйств и стало причиной аграрного движения бурят в начале XX в.

Большой урон земледельческим и скотоводческим хозяйствам был нанесен в ходе Гражданской войны. Посевная площадь на территории, входящей в состав Бурят-Монгольской автономной области РСФСР, составляла в 1917 г. 79,6 тыс. дес., в 1921 г. – 50,9 тыс. дес. [15, с. 28]. По данным переписей 1917 г. и 1920 г., процент сокращения скота по четырем западным аймакам БМАО в среднем составил 15,3 % [3, с. 57].

Одной из причин критического состояния сельской экономики были реквизиции и конфискации, производимые белыми армиями. Так, войсками атамана Семенова у населения Селенгинского хошуна было изъято 394 лошади, 16 644 пуда сена, 1277 овчин, 39 087 руб. деньгами, у населения Оронгойского хошуна – 191 лошадь, 426 возов сена, золотых и серебряных украшений на сумму 25 030 руб. и деньгами 9860 руб. [1, с. 7–8]. Значительный ущерб населению нанесли каппелевские части. Только у 104 жителей Ангинского хошуна каппелевцами было отобрано 237 пудов ржи и ярицы, 1370,5 пудов овса, 4859 пудов сена, 42 лошади [10], у 53 хозяйств Нижне-Иволгинского сомона – 17 лошадей, 521 воз сена, овес, золотые и серебряные украшения [1, с. 7]. В Селенгинском аймаке войска барона Унгерна угнали

8175 лошадей, были потравлены и вытоптаны сенокосные и посевные площади у 60 % хозяйств аймака [9].

Тяжелым бременем легли на сельское население реквизиции и конфискации в пользу различных красных партизанских отрядов. Например, заготовкой продовольствия и фуража для революционной армии Северо-Восточного фронта занимался Селенгинский военно-революционный штаб, в ведение которого входило все население, проживающее по левому берегу реки Селенги. На 18 февраля 1920 г. «по нарядам продовольственного отдела сделано обложение ярицы 10 800 пудов, овса 15 000 пудов, мяса 6 000, сала 4 200, 5 000 варезек, 5 000 чулок, 38 пудов табака» [1, с. 10]. Болезненнее всего на хозяйствах сказывалась подводная повинность, выполнение которой надолго отрывало крестьян от сельскохозяйственных работ. Так, в марте 1920 г. население Оронгойского хошуна для передислокации частей Народно-Революционной армии выставило более 45 тыс. подвод. Население Закаменского хошуна летом 1921 г. (в самый разгар полевых работ) порой выставляло по 300 подвод ежедневно [1, с. 12, 20]. Приблизительно 5 % подводчиков возвращались без лошадей, телег и упряжи, многие возвращались через 2–3 месяца. Вследствие этого в 1922 г. крестьянам пришлось сеять на старых жнивах, а засушливое лето того года погубило нестойкие к засухе посевы.

Следует отметить, что крайне неблагоприятные погодные условия в 1921 и 1922 гг. стали еще одной важной причиной объективного характера, оказавшей негативное влияние на сельское хозяйство Бурят-Монголии. Два года подряд поражали сильные засухи, что усугубило кризисную ситуацию и привело население некоторых районов к голоду. В Боханском аймаке в связи «с недостатком продовольственного хлеба, массовый характер приняло собирание колосьев» [7]. Селенгинский аймак «оказался в невероятно трудных условиях, голод принял угрожающие размеры, охватывая более 40 тыс. населения» [13]. В закрытом письме секретаря Селенгинского айкома партии в Буробком говорилось, что «население питается всевозможными суррогатами, кореньями разных трав», «характерная черта деревни – продолжает царить недоверие к Советской власти, в особенности говорят, что с нас берут все даром, а нам ничего не дают, несмотря на голод» [5]. В информационных сводках ОГПУ, которые составлялись каждые две недели и направлялись в обком партии, сообщалось о том, что в Селенгинском аймаке «на почве голода и плохого состояния хлебов всюду отмечается ропот и недовольство <...> Свирепству-

ют эпидемические заболевания – особенно тиф, оспа, дифтерит <...> В связи с голодовкой по Селенгинскому уезду развились грабежи и кражи, главным образом на продукты питания...» [6].

Важнейшей причиной кризиса сельского хозяйства была продовольственная политика государства. О ее негативном воздействии на крестьянское хозяйство Бурят-Монголии в литературе сказано достаточно много [2; 4]. Исследователи, в частности, особо подчеркивали, что в первую очередь оно проявилось в факте падения у крестьян заинтересованности в ведении своего хозяйства, конкретным проявлением которого было сокращение площади посевов и скота до потребительской нормы и даже ниже. Необходимо обратить внимание на такой негативный фактор продовольственной политики, как изъятие в счет продразверстки необходимых для крестьянских хозяйств запасов семенного зерна и рабочего скота, в результате чего они объективно не могли засеять находившиеся в их распоряжении посевные площади.

Летом 1920 г. крестьяне Селенгинского аймака в порядке продразверстки сдали государству 4 022 головы крупного рогатого скота, 36 299 голов молодняка, 30 250 голов овец и коз, 926 голов свиней, 154 000 пудов соломы, 196 366 пудов хлеба, 280 765 пудов сена и ряд других продуктов сельского хозяйства (шерсть, овощи, табак, орехи, щетина, рога, кожи) [1, с. 13]. Кроме того, силами населения проводилось строительство стратегических дорог и укреплений, выполнялась подводная повинность и т. д. В 1921 г. в аймаке была произведена разверстка сырых кож, но не по количеству нормального убоя, а с имеющегося в наличии у крестьянских хозяйств скота – по $\frac{1}{4}$ кожи с головы крупного рогатого скота, т. е. население должно было забивать скот для сдачи сырья – кожи. В итоге количество лошадей к 1921 г. сократилось по сравнению с 1917 г. почти наполовину, поголовье крупного рогатого – на 68 % [8].

Тяжелое положение с выполнением продразверстки в 1921 г. сложилось в Аларском хошуне, на который падала основная доля хлебной разверстки. 60-процентное задание к положенному сроку было выполнено только за счет изъятия у населения половины семенного фонда. Аймачный исполком высказывал тревогу, что полное выполнение хлебной разверстки приведет к еще большему сокращению посевных площадей, а сеной – к массовому падежу скота от бескормицы [4, с. 360]. Земельный отдел Эхирит-Булагатского аймака отмечал, что весной «едва ли будут использованы населением все пашни, так как беспорядочная реквизиция хлеба лишила его семенного материала» [12].

К началу февраля 1921 г. продразверстка по Сибири была выполнена только чуть более чем наполовину. Но сибирский хлеб был нужен центральным губерниям, поэтому Сибревком и Сиббюро ЦК РКП (б) по требованию Народного комиссариата продовольствия сохранили продразверстку на подведомственной им территории до выполнения ее на 75 %. В ответ на это крестьянство все более решительно стало выражать недовольство продразверсткой.

Уже с весны 1920 г. в отчетах волостных и хошунных ревкомов отмечается изменение политического настроения масс, которые были «крайне недовольны политикой Советской власти в деле проведения продразверстки» [11]. В информации секретаря губкома партии в ЦК можно прочесть тревожные строки о «...враждебном настроении крестьян», из ряда аймаков сообщалось «...об уходе разрозненных крестьян в лес, где начинается уже уголовный бандитизм», говорилось о «политическом бандитизме», особенно в Боханском и Эхирит-Булагатском аймаках, о том, что «в западной части Бурятии тревожат белобандиты» [14]. Таким образом, в поведении и настроении крестьянства к концу 1920 г. отчетливо проявился рост недовольства продразверсткой, выражающий стремление крестьян освободиться от нее как от несправедливой и разоряющей их хозяйство повинности. По мере того, как крестьяне съедали последние хлебные запасы и нависала угроза голода, их недовольство перерастало в активные формы протеста. Фактически в 1921 г. развернулась отчаянная борьба крестьян за физическое выживание в условиях надвигающейся продовольственной катастрофы, а власть в результате оказалась перед угрозой политической катастрофы.

В Бурят-Монголии конфликтный фон взаимоотношений крестьянства и власти сохранялся на протяжении 1922–1923 гг., что было связано с более поздним переходом к продовольственному налогу. Лишь в июне 1922 г. на аймачных съездах Советов было объявлено об отмене продовольственной разверстки и введении продовольственного налога. Однако даже с введением продналога, крестьяне наряду с ним должны были выполнять ряд дополнительных налоговых обязательств (например, трудгужналог, масляный, общегражданский налоги), поэтому трудно представить характер их взаимоотношений с властью.

Противостояние крестьянства и власти в республике стало ослабевать лишь в 1923–1924 гг., что было следствием стимулов, порожденных нэпом. Разрешение аренды земли, найма рабочей

силы, рост кооперативных форм сельскохозяйственного производства и сбыта, увеличение кредитования деревни, ослабление налогового гнета и т. д. способствовали вызволению аграрного сектора из кризиса, и, соответственно, снижению социальной напряженности в деревнях и улусах Бурят-Монголии.

Литература

1. Адгоков А. Потери гражданской войны по Селенгинскому аймаку Бурят-Монгольской автономной области / А. Адгоков. – Иркутск, 1923. – 24 с.
2. Андреев Ч. Г. Очерки аграрной истории Бурятии / А. Г. Андреев, Л. А. Зайцева. – Улан-Удэ, 1993. – 214 с.
3. Бурят-Монгольская автономная область. Экономическое и статистическое исследование. – Иркутск, 1922. – 202 с.
4. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. – М. : Прогресс, 1995. – 544 с.
5. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 25.
6. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 44 об., 45.
7. НАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 146. Л. 17.
8. НАРБ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 53. Л. 60 об, 61 об.
9. НАРБ. Ф. 185. Оп. 1. Д. 53. Л. 7.
10. НАРБ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.
11. НАРБ. Ф. 654. Оп. 1. Д. 11. Л. 18 об.
12. НАРБ. Ф. 902. Оп. 1. Д. 16. Л. 86.
13. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 29. Л. 23.
14. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 522. Л. 51; Д. 504. Л. 1, 44.
15. Сборник по Бурят-Монгольской автономной области Сибири. – Иркутск, 1923. – 116 с.

ПОПОВ П. Л.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШИРОТА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ИНДЕКС РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В СТРАНАХ МИРА

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – информативный индикатор социального развития, используемый ООН с 1990 г. ИРЧП был предложен в качестве альтернативы традиционному критерию развития стран – душевому доходу [2]. При вычислении ИРЧП учитывается уровень дохода населения страны, уровень его образования и уровень продолжительности жизни. ООН регулярно проводит подсчет ИРЧП во всех странах мира, по которым имеется необходимая статистическая информация. В «Докладе о развитии человека» [2] за 2010 г. методика подсчета ИРЧП была несколько изменена, по сравнению с более ранними докладами, но приводятся и результаты пересчета ИРЧП по новой методике за более ранние годы.